

МАРИ. К.

ШАХМАТЫ

Просто прислушайтесь к тишине.

Слышите? Как громко!

Мари К.

Шахматы

«Издательские решения»

К. М.

Шахматы / М. К. — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936880-5

Действие фантастического романа «Шахматы» разворачивается в атмосфере стремительно надвигающейся катастрофы. Спасти гибнущую планету под силу лишь загадочным и могущественным Большим людям. К ним и отправляются сестры Майя и Лилия. Им предстоит многому научиться: максимально использовать возможности своего мозга, развить в себе невероятные способности и постигнуть тайну бессмертия. Но какую цену придется заплатить за эти возможности, и кем на самом деле являются Большие люди?..

ISBN 978-5-44-936880-5

© К. М.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. В один конец	6
Глава 2. Игра с фортуной	9
Глава 3. «Боже, не дари мечту, подари силы бороться за нее...»	15
Глава 4. «...Это все неправда»	19
Глава 5. На грани	22
Глава 6. В поисках истины	26
Глава 7. Благородная сила	31
Глава 8. Прогулки по воде	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Шахматы

Мари К.

Редактор Наталья Астанина

Корректор Сергей Барханов

© Мари К., 2018

ISBN 978-5-4493-6880-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. В один конец

– Истина? Она одна. А правд бывает много. Правда может существовать только для тебя одного, а Истина – для всех. Есть наше восприятие и отношение к определенным вещам, отчего следует полагать, что единой правды не существует.

– Как же так?

– Море синее?

– Конечно, море синее.

– Оно, может быть, и синее. Только одно слово никогда не передаст всей Истины. Ты никогда не увидишь синее море моими глазами. А мой синий может отличаться от твоего.

...Когда мне было лет восемь, отец поделился со мной этой интересной мыслью. Но в тот момент мне стало чертовски грустно от его слов. Я почему-то почувствовала себя очень одинокой, и мне стало обидно от того, что я не смогу разделить свое восприятие мира с кем-то еще.

Через пять лет нам с сестрой пришлось пережить необратимую жестокую разлуку со своими родителями. Мы стояли на платформе, дождь заливал все вокруг. Это был переломный момент, потому что нам откровенно признались: возможно, мы больше никогда не увидимся.

Я молчала, прекрасно понимая, что у меня остался последний шанс сказать что-то важное своим родителям. Но я молчала. Молчала, потому что мне было больно от слишком уверенной и спокойной улыбки отца, который пытался сделать прощание не таким угнетающим.

– Я не хочу и не смогу, – вдруг вырвалось у меня.

– Что ты не сможешь, девочка моя? – ласково погладив меня по голове, удивился отец.

– Не смогу понять твое синее море, потому что просто не хочу.

Мои губы дрогнули. В тот момент я осознала смысл папиной «Истины»: нужно учиться понимать взгляды другого человека, какими бы они ни были. Однако самое страшное крылось в том, что мне этого не хотелось. Не хотелось понимать людей, которые совершают жестокие вещи, потому что мир их глазами выглядит совсем иначе. Не хотелось понимать отца, который так легко отпускает своих дочек и ничего не предпринимает, чтобы удержать их хоть на минуту.

Я так и не сказала своим родителям, как сильно люблю их. Страшнее всего было от того, что я не хотела бы повернуть время вспять и произнести эти слова.

Мое молчание вовсе не говорило об отсутствии чувств. Думаю, напротив, оно передавало слишком большую их силу. Любое сильное чувство всегда хочется как-то проявить. Любовь часто выражают добрыми словами, красивыми поступками – словом, чем-то хорошим. А мне в тот момент хотелось показать всю силу моей любви только злостью и жестокостью.

В тот момент я винила весь мир в несправедливости: погоду – за ее суровость, отца – за поразительное спокойствие, маму – за излишнюю сентиментальность, сестру – за чрезмерную слабость, время – за быстротечность. Сильнее всех я винила саму себя – за то, что я не в силах удержать ни одного мгновения. И почему нельзя его поймать, закупорить в стеклянную банку и в периоды одиночества открывать, вдыхая ароматы воспоминаний?

– Никогда в жизни я не слышала ничего громче твоего молчания, – призналась мне потом сестра.

– Ты осуждаешь меня? – расстроено спросила я.

– У меня нет на это права, Майя.

Лилия была как никогда терпима. А ведь я прекрасно знала, как тяжело ей это дается.

– Ты никогда не задумывалась над тем, что каждый день человек приходит в какой-то другой одежде? – ни с того ни с сего спросила я сестру, обратив внимание на собравшуюся на перроне толпу.

– Конечно, задумывалась!

– Нет, кажется, ты меня не поняла. Ты смотришь на человека в чистом, выглаженном костюме с синим галстуком. Он ходит туда-сюда, решает какие-то важные задачи. А когда наступает вечер, приходит домой. Вешает на спинку стула рубашку и пиджак. Ходит по дому в домашней пижаме и тапочках. Пьет горячий чай из чашки с изображением любимого персонажа детской сказки и словами «Самый лучший папа». Понимаешь меня?

– Не совсем.

– ...И так каждый из нас. Независимо от статуса в обществе, возраста, характера. Все мы приходим домой. Снимаем с себя эту одежду и становимся откровенными, такими простыми и незащитными... Мы не скрываем свою любовь к шоколадным батончикам и можем есть малиновое варенье столовой ложкой, облизывая липкие пальцы. Мы можем начать танцевать, услышав любимую песню. Мы становимся такими «одинаково» разными...

Поезд тронулся, и с каждой секундой мы становились дальше от родных мест, а впереди ждала неизвестность. Я смотрела в окно и пыталась осмыслить всю свою жизнь. Словно предвкушала начало сложной игры, в которой мне придется бороться до победного конца. Но для такой игры и борьбы нужна непоколебимая сила воли. А я была непростительно слабой. К тому же позволяла себе быть такой – и это непростительнее всего.

– Люди забыли, где живут, – вдруг неожиданно перебил тишину голос какой-то девочки.

Ее никто не спрашивал о том, что забыли люди, но она явно ждала развития начатой беседы. Ее глаза непонятно блестели, отчего смуглое личико практически сияло. Мне стало интересно, какая искорка заставила эту девочку гореть яркой звездочкой в скучном темном небе, поэтому я не побоялась заговорить с ней.

– Чему ты так радуешься?

И незнакомая собеседница лишь в очередной раз одарила нас своей хитрой улыбкой.

– Мне радостно от наивности глупых детишек в этом поезде. Тут остается только смеяться над безнадежностью.

– По-твоему, мы в твоих глазах безнадежны? – удивленно спросила Лилия.

– Безнадежен мир. Смешны попытки что-то изменить. Весь этот поезд, полный наивной ребятни, совсем скоро попадет в руки тех, кто лишит нас права быть нами.

– Что ты такое говоришь? – Откуда-то появилась еще одна девочка, высокая и с блестящими от навернувшихся слез глазами. У нее дрожал голос, выдавая тщетные попытки сдерживать эмоции.

Позже бойкая и уверенная девочка, которая представилась Линой, раскрыла нам правду, в которую не хотелось верить даже ей самой. Мне удалось уловить в ее голосе нотку неумолимого отчаяния и слабости.

– Преведная система, царившая в нашем мире, разрушается. Перевернется весь мир, перевернется сознание. Наступило такое время, когда планета идет ко дну, а человечество не в силах что-либо изменить. Представьте Землю совсем-совсем крошечной. Она, словно пластмассовый шарик от пинг-понга, легко умещается в ладони. Этот шарик невероятно легкий, потому что пустой. И единственная польза от этой пустоты – возможность играть ею как вздумается.

– Кто заполучил такое право? Играть жизнями людей как вздумается? – отчаянно воскликнула Люся, та самая высокая девочка с печальными глазами.

– Те, кто сильнее нас, разумнее и мудрее. Эти люди не похожи на нас. Может, они и не люди вовсе...

Я взглянула на Лину и поймала себя на мысли о том, что фантастичнее всего звучит не ее история в целом – в нее даже можно поверить. Самое дикое – мысль о том, что наша планета пустая, как шарик от игры в пинг-понг.

– Как она может быть пустой? – осмелилась я озвучить свои мысли, упустив главную нить разговора. – Разве наша планета – не отражение нас самих? А мы сами разве похожи

на пустышки? Так каким образом Земля может быть пустым игральным шариком, когда весь этот поезд наполнен детьми, у которых где-то позади остались семьи, не прожитое полноценно детство, мечты и цели? Я не отрицаю, что глобальное потепление лишило нас большей части территории. Я не отрицаю, что люди не видят будущего своих детей на ближайшие десятки лет. Но кто дал право кому-то решать нашу судьбу за нас? Кто дал право играть и управлять нами как хочется?

Никто из присутствующих явно не был доволен тем, что я сказала. Мало того, Лина завершила беседу не самым оптимистичным комментарием:

– Люди обессилены, чтобы что-то решать самостоятельно. Это очевидно. Каков смысл в моем счастливом детстве, в ваших целях, когда все в один момент может разрушиться? Я не знаю, куда именно везут детей. Однако совершенно точно знаю, что это место подарит хоть какую-то надежду на будущее. Я не знаю, чему именно учат странные люди, которые нас там ждут, по каким правилам нам придется жить. Но я знаю, что новая жизнь, обещающая перевернуть сознание и мировоззрение, заслуживает того, чтобы пожертвовать ради нее личными принципами.

Она говорила так, словно наперед знала все предстоящие события. В какой-то момент мне даже стало стыдно от своих нерешительности и слабости, которые вынуждали меня злиться и не принимать услышанное всерьез.

Нам с сестрой не рассказали про новую жизнь ни слова. Возможно, это упущение наших родителей. А возможно, попытка предоставить нам шанс самим принять и понять новый мир, людей, непривычную обстановку.

Лина говорила шаблонами, и мне становилось неприятно от того, что она не вкладывала в разговор ничего личного. Я всегда старалась быть чуткой к людям и даже в тот момент заставила себя разглядеть в глазах Лины свет отчаявшейся души, боль брошенного на произвол судьбы ребенка. И я была уверена в том, что эта девочка разделяла мою точку зрения, просто боялась сопротивления.

Эти мысли полностью меня поглотили, поэтому я отстранилась от внешнего мира, выйдя к окну в коридор и крепко взявшись за поручень.

Мимо меня пролетали пейзажи. Я стала осознавать беспомощность и ничтожность собственного существования. На это намекало величие природы. Бездонность звездного неба, сменяющаяся палитра летнего заката, зной июльского утра – все это вызывало во мне такие чувства всегда. Но вместе с тем было приятно чувствовать себя слабой. Ведь эта слабость сопоставима со слабостью ребенка в руках родной матери. Она неизбежна, она даже нужна.

– Я кое-что знаю, – вдруг подошла сестра, нежно дотронувшись до моего опущенного плеча.

Я взглянула в ее глаза, полные тоски и усталости, и сникла, ожидая, что она скажет.

– Сила обстоятельств может играть нашими судьбами как вздумается, – с дрожью в голосе отметила Лилия. – Однако это не отменяет того, что у меня всегда есть ты, Майя. Вот и вся правда.

Глава 2. Игра с фортуной

С приходом сумерек холодный дождь, ливший неустанно, решил на время отступить и дал всем нам возможность выйти из поезда.

Мне хотелось на миг превратиться в одну из дождевых капелек, лениво стекающих по запотевшему стеклу. Тогда среди миллионов таких же никто не заметил бы моего исчезновения.

Оказавшись в объятиях сурового ветра, мне захотелось стать невесомой, чтобы он унес меня с собой.

Меня окружала толпа незнакомых детей, и среди них было крайне неудобно. Возможность превратиться в нечто незаметное и невесомое избавила бы меня от угнетающей атмосферы, которую создавали испуганные и растерянные лица. Неприятнее всего было понимать, что я – часть этой толпы. И каждый из детей, не исключено, воспринимает меня так же, как и я их всех.

Густой туман окутывал нас своим холодным серым покрывалом, отчего все окружающее сливалось в бледную пелену. Несправедливо в такие моменты видеть мир заурядным только потому, что в нем недостаточно красок и тепла. Однако я позволила себе подумать об этом и поддаться чувству тоски.

«Мне тоже очень тоскливо!» – вдруг послышался отчаянный крик мальчика, вслух не сказавшего ни слова. За него говорил его невероятно громкий взгляд. Глубина глаз мальчика была сопоставима с глубиной неба. Я утонула в этом «небе», откровенно признавшись себе, что до сих пор и не знала истинного чувства тоски.

Стало невероятно страшно: глубина его взгляда казалась недостижимой, а я не позволяла себе терять надежду ее достигнуть.

Я смотрела на него слишком долго. В такие моменты время обретает другую форму, и его просто невозможно контролировать.

Наверное, я бы так и стояла замороженная, если бы незнакомая девушка не привлекла к себе внимание, разбавив гнетущую тишину усталым, но невероятно красивым и мелодичным голосом.

Удивительно, но эта девушка была как-то далека от нас, несмотря на то что стояла совсем рядом. Она была привлекательна своей легкой походкой, умиротворенным взглядом, волнистыми русыми волосами, добрыми чертами лица. Но ей явно хотелось скрыться за маской равнодушия, чтобы этот мир не увидел ее настоящей.

– Я веду контроль над тринадцатой группой. Группы делятся по возрастам – пожалуйста, держитесь рядом со своими ровесниками.

Я радостно сжала руку своей сестры, осознав, что разница нашего с ней возраста составляет всего-то пару минут и позволяет быть рядом в такой волнующий момент.

Дорога повела нас через густую лесную чащу, и я с грустью осознала, что единственный светлый взгляд, магическим образом притягивавший меня, куда-то исчез. Вероятно, мальчик – источник моего вдохновения – попал в другую группу.

Вскоре темная палитра вечернего неба окончательно взяла власть над холодным осенним днем. Дорога казалась невыносимой во многом из-за того, что мы слепо следовали за нашей вожатой и не имели ни малейшего представления о том, что нас ждет впереди.

Мои плечи все сильнее чувствовали вес рюкзака, и каждый следующий шаг был невыносимее.

Меня переполняла злость. Никуда не хотелось идти. Я не чувствовала никакой мотивации и не видела смысла бороться с невыносимой усталостью.

Объявили привал, и я в ту же секунду легла на землю, запрокинув голову к небу в надежде отыскать помощь у Вселенной. Мне становилось страшно от того, что я позволяла себе быть

слабой. Небо очистилось от серых облаков и открыло доступ к самому сокровенному – звездам. Быть частью этих космических глаз – самая лучшая привилегия. Я черпала из этого величия вдохновение.

– Как много нам не дано знать... – обреченно вздохнула сестра, оказавшись во власти звездного неба.

– Со временем ты найдешь в этом выгоду, – послышался голос нашей вожатой. Девушка села напротив нас с явным желанием познакомиться. Она пристально разглядывала нас, и вдруг я уловила в ее взгляде испуг, словно прежде мы уже виделись и она узнала в нас своих давних знакомых.

– И какая тут может быть выгода? – поинтересовалась Лилия.

– Осознание – это контроль над собственными чувствами и эмоциями. Ты понимаешь, что вся твоя жизнь зависит от собственного восприятия и отношения к происходящему. Ты учишься управлять собой. Может быть, жизнь от этого становится проще, но тем самым человек губит в себе что-то живое и настоящее. Вы многого не знаете, однако ваша детская наивность делает вас такими живыми...

В нос резко ударил запах смолистых сосновых иголок, отчего мне стало одновременно радостно и тоскливо. Возможно, если бы я знала, как на физиологическом уровне происходит процесс восприятия ароматов или звуков, то эти ощущения перестали бы казаться столь прекрасными.

Я вдруг задержала дыхание, пытаюсь остановить время. Мир на долю секунды замедлил свой ритм и позволил почувствовать власть над ним.

Было страшно – не от того, что кто-то может лишить меня возможности наслаждаться всем, что нас окружает, а от того, что я сама однажды разучусь видеть красоту в простых вещах. Я стала еще внимательнее приглядываться к деревьям, траве, листьям, небу – и неожиданно поняла, что мир, каков он есть, – продукт нашего сознания. А сознание манипулирует нашим восприятием как вздумается. И быть может, уже через пару минут мне будет ненавистен каждый листочек, упавший с самого изящного дерева.

Встретившись, я почувствовала, что на мне слишком большая ответственность, к которой я была совершенно не готова. Порой мы даже не задумываемся над важностью совершенного выбора, за который мы впоследствии несем серьезную ответственность. Ведь даже такой, казалось бы, незначительный выбор между принятием собственной силы, веры и слабостью, загоняющей нас в тень бездействия, в будущем изменит наше настроение, людей, окружающих нас, и в результате весь ход событий жизни.

Мы продолжали идти, и с каждым последующим шагом я ощущала в воздухе привкус новой и чуждой мне жизни. Все были утомлены и подавлены, однако практически в каждом взгляде читался интерес к тому, что скоро произойдет.

Не знаю почему, но я не была охвачена любопытством. Возможно, я так тревожно представляла свою новую жизнь, переполненную чужими мне людьми и незнакомыми местами, потому что была не уверена в самой себе. Человек, пытающийся бежать от проблем, никогда не найдет успокоения в этом мире, пока не почувствует гармонию с самим собой. Пытаясь избежать новых знакомств, правил, обязанностей, я избегала той самой ответственности, которая была не по силам слабой девочке, не пришедшей к необходимой гармонии.

Постепенно я стала дрожать от резких порывов ветра. Создалось ощущение, словно кто-то в «лесной комнате» решил открыть форточку. Источником сквозняка оказались просторы черного озера, открывшиеся в конце лесной тропинки. Они привлекли все мое внимание. Непостижимость и величие подобной стихии начали придавать мне силы. Я вдруг вспомнила, как, прогуливаясь летним вечером вдоль берега реки, спросила маму:

– В чем смысл нашего существования?

– Смысл? – удивленно переспросила она. – Нет смысла в *существовании*. Потому что человек, который существует, не знает счастья.

Возможно, прежде я даже не задумывалась о столь значимой разнице таких двух понятий, как «существование» и «жизнь», потому что не верила, что в этом мире есть люди, не знающие, а уж тем более не желающие счастья.

Остановившись на мгновение, я взглянула на волнуемое течение реки и увидела настоящий смысл: он таился глубоко на дне, не зависящий от ширины водоема, который не составит труда преодолеть за считанные минуты.

Я не отрывала взгляд от озера, прокручивая в своей голове детское воспоминание. Чувствовалось, что дорога близка к концу, а я совершенно не готова взглянуть в лицо своей судьбе.

– Интересно, какой теперь будет наша жизнь? – замороженно и в то же время обреченно спросила Люся, замедлив шаг перед водоемом.

– Все зависит от нас самих. Будут силы – будет счастливая жизнь, – не раздумывая ответила я.

– Ты рискуешь проиграть, Майя, – загадочно посмотрела на меня Лина. – Твое личное удобство, а уж тем более счастье никого интересовать не будет. Никакое счастье не будет стоить того, к чему могут привести твои попытки применить силу.

Я ничего не ответила. У меня не было достаточно мудрости и опыта, чтобы обосновать свою точку зрения. Многие вещи я объясняю в большей степени сердцем, чем головой. Нужно всегда находить баланс между чувствами и разумом. Я постоянно стремилась к этому, но крайне редко приходила к желаемому результату.

Черное озеро пересекал мост. Я ступила на него и закрыла глаза, представив, что смогла развить в себе невероятную способность ходить по воде. Волны умиротворенно вздыхали и шептали деревьям о скором приходе октябрьских холодов. Брызги от неутихающего ветра касались моего лица, и мне казалось, что я танцую по просторам озера, как легкая водомерка.

Я часто любила играть со своим воображением, и мне всегда делалось легко в этих играх. Они спасали меня от одиночества и тоски, от переживаний и боли. Воображение никогда не разочаровывает, если уметь им пользоваться. Оно окрыляет и придает уверенности.

Мост привел нас к какому-то островку, и реальность тут же завладела моим сознанием. У нее не было ничего устрашающего, однако я совершенно точно почувствовала, что атмосфера этого острова мне слишком чужда. И за теплотой уютных деревянных домиков, рассыпанных по острову, кроется что-то неприветливое и холодное. Статичность и чрезмерное спокойствие этого места начали вызывать у меня непонятное раздражение.

– Все как-то не так... – прокомментировала Лилия, грустно оглядевшись.

Я взяла ее за руку, в очередной раз напомнив себе о присутствии родного человека в такое непростое время.

Обстановка действительно вызвала смешанные чувства. Ухоженность газонов, каменные дорожки, просторы черного озера – не они создавали угнетающую атмосферу. Словно кто-то надел на остров маску счастья, совершенно не имея представления о значении этого слова.

В этом мире никто не обязан быть таким, каким удобно тебе. Перед каждым последующим шагом никто не будет спрашивать: «А хочется ли тебе так? Нравится ли?» Но я не уставала уверять себя в том, что сила справедливости не позволит мне спасовать перед предстоящими проблемами.

Наивность тринадцатилетнего подростка неизбежна. Мне было страшно приближаться к огромному круглому зданию, от которого веяло холодом. Но, остановившись перед широкой белой аркой, я запрокинула голову, оценив несоизмеримость обстоятельств и собственной силы, – и решила дать себе обещание о личной ответственности за свое счастье и справедливость, даже если для этого придется с кем-то бороться и идти против правил.

Мне показалось, что луна, такая далекая и таинственная, в один момент устала быть одинокой и холодной и позволила себе отдаться власти чужих рук. Именно таким выглядело это здание, собравшее в себе большую часть людей этого мира. Белые стены были сделаны из непонятного материала. Я боялась к ним прикасаться – думала, что могу обжечься холодом.

Мне всерьез казалось, что Луна живая. Я чувствовала, как стены дышат холодом, как отовсюду веет ледяной ветер. В этой Луне я была ничтожно маленькой, и мне хотелось громко заявить о себе любым способом в любой подвернувшийся момент.

Сквозь широкий холл нас провели в зал, где уже располагалась незнакомая группа людей, похожих друг на друга заурядными серыми обтягивающими комбинезонами. Движения каждого были спокойными и умеренными, взгляды – холодными и легкими. Несмотря на то что все эти люди имели заметные индивидуальные черты, из-за одежды они воспринимались какими-то одинаковыми. На груди каждого из них был вышит номер, и мне вдруг стало смешно от возникшей ассоциации, словно эти люди – вещи с ценниками на магазинных полках.

Мы толпились в зале. Детей не приходилось утихомиривать, так как все были слишком обескуражены и заняты знакомством с новой обстановкой и окружением.

– Майя, не уходи далеко, пожалуйста, – схватив меня за руку, взмолилась сестра, когда вдруг потух свет и силуэты присутствующих стали едва различимы.

Я крепко сжала ее руку и зачем-то улыбнулась, прекрасно осознавая, что Лилия этого не увидит. Но я почувствовала, что она ответила на мою улыбку, и от этого мне стало спокойнее.

Неожиданно в центре зала загорелся свет, привлекая взгляды всех присутствующих. Его источником оказался высокий тощий юноша с бледным лицом, взъерошенными волосами и невероятно строгим уверенным взглядом. Его комбинезон светился, отчего этот юноша с вышитой единицей на груди вызвал у меня ассоциацию со светлячком.

Мне казалось, что худые ноги Светлячка вскоре подломятся под длинным туловищем и он больше не сможет шествовать перед нами гордой, но ужасно нелепой вальняжной походкой.

– Пустые взгляды. Наивные, глупые, пустые взгляды. – Я никогда не слышала такого бесчувственного, невероятно чистого голоса, вызвавшего во мне дрожь. – Ваши взгляды, наполненные целями, идеями, надеждами, подпитываются нескончаемым потоком чувств и эмоций. Космический вакуум не сравнится со столь нелепой пустотой ваших глаз. Ведь все, чем светятся ваши наивные взгляды, не имеет смысла, а соответственно – пусто.

Мне захотелось рассмеяться во весь голос, но я воздержалась. Не пустота наших взглядов вызвала это желание, а пустота его слов.

Светлячок словно это понял и, приблизившись ко мне, на миг замер, поймав своим синим взглядом. Я почувствовала, как от него повеяло жутким холодом. Мне стало страшно, к горлу подступил ком. Светлячок стоял очень близко, и я видела его тонкую белую кожу без единой морщинки и едва ли не каждый волосок на его голове. Признаться, именно беспорядочность его прически создавала равновесие во всем образе.

Взгляд Светлячка отличался от привычного человеческого. Синий цвет глаз как будто бы утаивал нечто сокровенное. Слишком неживой, черствый, далекий взгляд. Вдруг будто бы все, что когда-то было личным и недоступным для чужих глаз, открылось всему миру. Все мои мысли, чувства, желания теперь как открытая книга. Мне стало больно до слез.

– Иногда именно ограничения делают людей свободными. – И после этих слов Светлячок отвел взгляд в сторону, отчего мне ментально стало легче. – Вы во многом будете ограничены. Но только отказавшись от привычного, вы станете обладателями бесконечности свободы, которую подарит вам этот мир. Самой настоящей бесконечности! То, через что вы пройдете, будет лежать в основе многих правил. Самое первое – отказ от личности. Слова несут энергию, которую сложно представить. Именно поэтому при отказе от своих имен, от каждого слова, отражающего личность, открывается контроль над самим собой. В ваших руках – власть над

целым миром. Единственное, что мешает ухватить этот мир, – слабость, которую порождают чувства и эмоции. Контроль над собой – самая сложная, но невероятно важная задача! Пройдя то, что ждет вас впереди, вы подарите шанс на жизнь не только себе, но и всей планете. «Непривычно» еще не значит «плохо». Это необходимо понять, и с этим бессмысленно бороться.

Эти слова навсегда впечатаются в мою память. Светлячок говорил очень много и очень странно. Например, никогда не называл себя личным местоимением, а говорил: «Номер Один». Он рассказывал о том, как все мы будем обучаться «жизни» и «свободе», одновременно запрещая нам заниматься тем, что лежат в основе этих двух слов. Он говорил о пустоте наших глаз, не замечая в собственном взгляде самую настоящую пропасть. Он называл себя сильным, когда насквозь светился слабостью и страхом.

Я перестала вслушиваться в смысл его слов, и этот голос стал пустым звуком. Своего рода защита, чтобы не сойти с ума. Я стояла и наблюдала за присутствующими. Странные люди в комбинезонах, несомненно, вызывали во мне интерес. Однако я всеми силами пыталась подавить в себе любопытство, так как чувствовала, что могу в любой момент провалиться в пропасть, разделяющую нас.

– Захватывающе! – восторженно шепнула Лина. – В нас раскроют невероятные способности. Наш мозг сможет работать на все сто процентов. Майя, ты вообще слушала, что нам только что сказали? – Мое безразличие было налицо.

Я взглянула на эту неугомонную девочку. У нее были невероятно красивые азиатские черты лица: восхитительная смуглая кожа, ровное гладкое личико, короткие, но невероятно густые волосы. Голосок звонкий, но отдавал легкой хрипотцой, словно у Лины был кашель. Все эти мелочи придавали шарм ее образу.

– Лина, ты очень красивая! – честно призналась я. – Ты только посмотри на этих Белолицых. В них стерлась природная красота. – Лина громко усмехнулась. – Они хотят убить в нас личности. Как несправедливо! По-твоему, это захватывающе, что когда-нибудь от тебя настоящей останется только имя?

– Имя? – усмехнулась Лилия. – Боюсь, нам придется и об этом забыть.

Мы вышли на улицу, и нас повели к домикам, где мы могли бы немножко прийти в себя и хорошенько отоспаться.

Было темно и зябко. Неприятная влажность буквально парила над землей, собираясь в густой туман.

– Посмотрите на соседнее здание, – вдруг подошла к нам вожатая. – Завтра в девять утра номер Тринадцать будет всех вас ждать у входа. Ни минутой раньше, ни минутой позже.

Я разглядела ее вышитый номер на груди и, усмехнувшись, не выдержала:

– Почему вы так говорите? Вам же это чуждо!

Вожатая кинула на меня глубокий взгляд, наполненный такой добротой и теплотой! Эта девушка была единственной из всех Белолицых, кто не утерял в себе сущность. Она пыталась быть строгой, дисциплинированной – и я не могла винить ее в этом. Она каждую секунду боролась, сдерживая в себе эмоции и чувствительность к миру. За ее спокойствием крылась целая буря. Боже, я это чувствовала! Она была очень сильной, но одновременно такой слабой...

– Впредь вам придется обращаться к Тринадцать именно так, – холодно ответила она.

Мы выбрали себе комнату на четверых в одном из двухэтажных домиков. Балкон выходил на черное озеро. Весь мир буквально дразнил меня своей красотой, а я чувствовала, как постепенно теряю его.

Лина стояла у окна, наблюдая за сумерками, словно пытаясь переосмыслить весь прожитый день.

– Большие люди – другие, – лишь прошептала она.

– Кто такие Большие люди? – удивленно переспросила Лиля.

– Вы правда ничего не понимаете? – изумленно воскликнула Лина и повернулась к нам, взволнованная. – Большие люди – это Белолицы. Они разумнее нас и имеют власть над миром. Я уверена, мы им нужны для чего-то очень важного. У нас появился шанс сохранить жизнь на этой планете.

– Да не нужна мне такая жизнь! – не выдержала я. Все присутствующие испуганно взглянули на меня и примолкли. Я стыдливо потупилась. – Не вижу смысла в ней. – Я чувствовала, как к горлу снова подкатывает ком. – Мне тяжело от мысли, что мои родители где-то далеко от меня. Но я смогу выдержать даже это, если буду знать, что они улыбаются, глядя в окно по утрам. Кто мне пообещает счастье моих близких, не говоря уже о собственном? Почему я должна верить этим людям? Что, если я не хочу? Меня никто не спрашивал об этом. Выходит, справедливости в этом мире больше нет? В таком случае не нужна мне эта жизнь!

Я растерянно села на кровать. Как будто бы весь мир разом рухнул. Так хотелось понимания со стороны девочек, но я не могла от них требовать слишком много. Каждый борется с переживаниями по-своему и имеет на это полное право. Я совершенно точно знала, что Люся, спрятавшись в углу, словно мышонок, и зарывшись в свои длинные черные волосы, чтобы быть как можно дальше от этого мира, никогда не променяет свои интересы и собственное счастье на прихоти Больших людей, чьи истинные намерения нам никогда не будут известны.

Я совершенно точно знала, что Лина, уверенно заявляя о предстоящих событиях и спокойно принимая неприемлемые факты, просто пытается бороться со своими переживаниями и слабостью. Это ее путь борьбы.

Ко мне присела Лилия. Я сразу поняла, что с ее стороны добиваться понимания не нужно. В одном ее взгляде я почувствовала целую бурю переживаний, которые она хотела разделить вместе со мной. Она меня понимала как никто другой на свете.

– Взгляни, что я нашла, – шепнула она мне на ухо и положила на мою ладонь две зеленые сережки нашей мамы. – Я обнаружила их у себя в рюкзаке. Они лежали в мамином футляре, специально для нас, представляешь?

– Удивительно... – И я провела пальцем по переливающимся камушкам. – Она же и близко нас не подпускала к ним.

Лилия подняла на меня заплаканные глаза и снова прошептала:

– Мне радостно, но в то же время так больно от маминого доверия! Знаешь почему?

И я знала. Наша старшая сестра незадолго до страшной аварии, в которую попала в юном возрасте, получила в подарок от мамы колечко с похожим зеленым камушком. Мама словно чувствовала предстоящие события и отдала дочери частичку себя незадолго до ее смерти. Неожиданный подарок мамы – знак необратимой разлуки. Вот где кроются боль и правда.

С той самой минуты эти сережки висели у нас на шеях, словно обереги. Они стали частичкой прошлого, теплоты и любви. Мне было очень страшно в какой-то момент потерять себя. Но эти сережки придали мне уверенность и спокойствие. Сжимая в кулаке свое сокровище, я понимала силу чувств. Самых теплых, самых добрых и искренних – тех, которые помогут мне бросить вызов противнику. Даже если им окажется сама судьба.

Глава 3. «Боже, не дари мечту, подари силы бороться за нее...»

«Счастье – относительное понятие. Оно лежит в основе желаний, в основе целей. Если ты проснешься утром и тебе не захочется смеяться, улыбаться – это ничего. Но вот если тебе не хочется даже злиться и грустить – ты самый несчастный человек на свете. Ведь с отсутствием всех чувств жизнь теряет всякий смысл...»

Воспоминания о разговоре с мамой разбудили меня дождливым холодным утром. Я была напугана: подумала, что когда-нибудь проснусь – и в самом деле почувствую, что мне больше не хочется радоваться или неистовствовать от того, что ждет впереди. С наивной радостью я обнаружила в себе оставшееся желание быть преданной своим интересам и принципам и почувствовала наслаждение от жажды оказывать сопротивление при любом ударе со стороны.

– Хочу быть сахарным кубиком, – призналась мне Лилия, когда мы оказались во власти суровой дождливой погоды. Я ухмыльнулась столь забавному желанию сестры. – Если бы я была сахарным кубиком, то растворилась бы под этими каплями.

Наверное, у каждого из нас бывают такие моменты, когда хочется стать сахарным кубиком. Но не стоит кормить эти желания в себе – ведь никто не знает, в какой момент жизнь и впрямь захочет заварить себе чай.

Вожатая нас встретила у входа какого-то белого двухэтажного здания. В нем не было ничего примечательного. Если когда-нибудь его снесут, этого точно никто не заметит.

Нас привели на завтрак. В душной комнате стояли запахи жареных яиц, плавленого сыра и сладкого чая. Я не могла не обратить внимания на Больших людей. Они уныло устремили взгляды в какое-то неизведанное пространство, словно их завтраком являлась сама пустота.

Мне не хотелось смущать их своим любопытством, но ноги сами замедлили темп шага, и я стала внимательно присматриваться к одному из этих чудаков, пытаюсь отыскать в их занятии хоть какой-то здравый смысл.

Белолицый словно завис, как компьютерная программа, давшая сбой. Он сидел за пустым столом и не шевелился. Я пыталась найти в его облике хотя бы частичку чего-то разумного и близкого к своему пониманию мира. Но он был чужой. Они все были для меня чужими.

Эта мысль прозвучала в голове настолько отчаянно и громко, что будто обрела силу быть услышанной. Иначе как объяснить то, что именно в эту секунду Белолицый перевел взгляд на меня?

Я замерла от его взгляда. Боль, которую я вдруг ощутила, не была похожа на физическое недомогание или душевное расстройство. Ощущения вышли за рамки привычного. Словно душа превратилась в марионетку, а кукловод управляет ею как вздумается.

Наверное, я бы так и утонула в этих страшных синих глазах, если бы Тринадцать не схватила меня за руку, толкнув вперед.

– Никогда не смотри им в глаза. И сестре передай, – слышался шепот прямо возле уха.

Завтракать не хотелось. Я пыталась прийти в себя после долгого зрительного контакта с Белолицым. Вкус остывшего переслащенного чая скомкался в горле и добавил моему состоянию еще больше тревожных и неприятных ощущений.

Тринадцать вызывала у меня противоречивые чувства. Я стала внимательнее наблюдать за ней. Она была не от мира сего. Меня удивляло, как она нашла себе место среди Больших людей, как стала их частью. Она вызывала у меня настоящий интерес, но бдительность и осторожность брали любопытство под контроль.

Я не могла найти покоя. Лилия тревожно поглядывала на меня, а у меня с трудом получалось убедить ее в том, что все хорошо. Себя в этом убедить было еще сложнее.

Меня сводило с ума понимание того, какой теперь становится моя жизнь. Я ведь стала лишаться права выбора и слова. И хуже всего то, что я даже не пыталась с этим бороться, потому что пребывала в недоумении и растерянности.

После завтрака нас отвели в Луну, где, недолго томя, разделили на две группы – мальчиков и девочек.

Девушке с порядковой цифрой пять поручили сопровождать нашу группу. У нее были черные короткие волосы, которые служили, как мне показалось, главной особенностью ее внешности. Эта необычная прическа казалась настолько неестественной, что создавалось впечатление, будто девушка носит парик. Ее на редкость белая и ровная кожа вызывала непонятные эмоции. Мне казалось, будто передо мной стоит кукла, у которой все черты слишком идеализированы. Эта ассоциация позже породила и имя, и мы называли ее только Куклой.

Она отвела нас на второй этаж. В загадочном молчании Куклы таилось слишком много слов. Большие люди, как оказалось, довольно молчаливы. Вероятно, они чувствуют себя уязвимыми за излишним количеством разговоров.

Нас заключили в комнату, пространство которой было заполнено рядами коек. Я обратила внимание, что в местах обитания Больших людей детали исключены и все предметы несут в себе исключительно практическую функцию.

Я часто ловила себя на мысли о том, что именно детали являются главной частью любого образа, и именно поэтому всегда любила разглядывать мелочи, не бросающиеся в глаза.

В тот момент я осознала, что если придется долго жить в подобной обстановке, мне станет невероятно скучно.

Я не смогу прожить без блестящих камушков на оправе очков пожилой женщины, которые переливаются в лучах солнца, словно звездочки. Как разговаривать с человеком, у которого на клетчатой рубашке нет в районе груди маленькой заплатки в виде морского конька? Как сидеть за столом, на котором не разбросаны фантики от съеденных конфет со вкусом лимонной цедры и трюфеля? Если в суп добавить вермишель, которая не будет иметь форму букв и цифр, какой вообще смысл от этого супа? Как пить молочный коктейль без желтой соломинки? Если на каминной полке не будут висеть новогодние носки, наполненные карамельками, камин потеряет свое истинное предназначение даже в самую холодную зиму.

И вот, присев на белые простыни жесткой кровати, бросив взгляд на белую подушку и не обнаружив на ней не единого пятнышка, я почувствовала неимоверную тоску и пустоту.

Кукла, задержавшись у двери, громко объявила о том, что ровно через пятнадцать минут придет за нами. А за это время нам необходимо снять с себя всю одежду, накинув халаты.

Мы все испуганно переглянулись. Такого поворота событий никак нельзя было ожидать. Мне стало не на шутку страшно, и тут же появилась сумасшедшая мысль сбежать из этого места.

Во взгляде сестры я увидела такое же безумие. Я глубоко вздохнула и, слабо улыбнувшись, начала снимать одежду, пытаясь показать Лилии, что все хорошо.

Но на самом деле все было просто ужасно. Хотелось плакать. Застряв в воротнике свитера, я почувствовала, как по горячему лицу потекли слезы, но тут же смахнула их ладонью.

– Может быть, они просто хотят проверить наше здоровье? – предположила Люся.

– Я тоже так думаю. – Я сразу же решила поддержать подобную успокаивающую мысль.

Однако Лилия за все это время не сдвинулась с места.

Я затянула халат поясом и подошла к сестре.

– Не хочу быть их марионеткой, – только и прошептала она.

– Делать то, что не нравится, – еще не значит быть марионеткой, – тут же ответила я. –

Победа состоит из большого количества поражений. Нужно это принимать.

– Я чувствую ответственность за нас двоих, понимаешь? Я не прошу себе, если что-нибудь случится. Мне кажется, у меня не получается быть сильной.

– Но стоит попытаться? Пожалуйста, Лиль, если мы не будем стараться, кто же еще нам поможет?

Лилия и не знала, что она самый сильный человек на свете. Она сильная, даже когда плачет, когда ничего не хочет делать, кроме как пустить все на самотек. Она никогда не изменит своим принципам, даже если признается в том, что сдалась. Она чистая и настоящая, как полевой цветок, который никогда не зачерствеет от непогоды, даже если с него опадут все лепестки. Непогода делает ее сильной, еще более открытой и светлой.

Что будет с нами завтра? А через год? А через минуту? Да никто не ответит нам на этот вопрос! От тебя зависит все, и от тебя ничего не зависит! Как бы это осознать... Ведь чтобы решать проблемы, надо действовать. Но когда внешние обстоятельства не предоставляют возможности выбора, надо просто ждать. Выходит, нет никакого смысла от переживаний?

Самое сложное – это сохранять себя. Именно поэтому я восхищаюсь своей сестрой, порою такой чрезмерно ранимой и эмоциональной... Она пропускает все проблемы и радости через себя до последней капли, но никогда не позволяет им себя сломать. Ее непоколебимость состоит не в железном контроле над собой, а в сохранении собственной сущности.

Меня схватила за руку какая-то девушка. Утонув в своих мыслях, я и не заметила, как нас уже повели в зал. Я потеряла сестру из виду, и меня охватило неприятное волнение. Я пыталась поспевать за быстрым шагом своей сопровождающей, шаркая белыми махровыми тапочками по полу.

В зале стоял неприятный запах какой-то вакцины, словно нас, как простых школьников, всего лишь привели на диспансеризацию.

Не хотелось делать вид, что происходящее меня не тревожит.

– Что происходит? – Я взволнованно взглянула на девушку, которая мертвой хваткой вцепилась в мою руку.

Безусловно, она не собиралась мне отвечать. Мне вдруг стало страшно от мысли, что я перестала воспринимать Белолицых всерьез. Они будто отрешены от этого мира. Как будто бы существуют и не существуют одновременно.

Я оглядывалась по сторонам и вдруг столкнулась взглядом с Люсей. У нее блестели глаза и дрожали губы. Белый бесформенный халат висел на ее худом теле. Я плохо знала эту девочку, но в ту секунду полностью ее поняла. Узнавать отчаянного ребенка в испуганных глазах и дрожащих губах. Понимать бессилие и отчаяние, которые поколебали ее мужество. Улыбка, которая расплзлась по лицу сквозь наворачившиеся слезы, мне показалась настоящей надеждой. Надеждой на существование в этом мире искренних людей, которые до сих пор о чем-то мечтают и во что-то верят. Которые не забывают о дружбе и любви, как бы банально это ни звучало.

– Сними халат и ступай вперед, – вдруг скомандовала мне девушка, выпустив мою руку.

Меня ждали открытые дверцы прозрачной кабинки. Оттуда веяло холодом и страхом.

– Зачем мне туда идти? – с дрожью в голосе спросила я.

– Сними халат и ступай вперед, – повторила она.

Я давно не чувствовала себя так глупо. Меня не привлекала идея отправиться в неприятную кабинку совершенно голой. Но других вариантов никто не предоставил, поэтому пришлось согласиться.

Босыми ногами я почувствовала невероятный холод. Дверцы кабинки громко захлопнулись, и я стала беспокоиться о возможном приступе клаустрофобии, которой у меня до сих пор не было.

Послышался какой-то звук, похожий на писк. Полоса синего света прошлась по всему телу, и я закрыла глаза.

– Открыть глаза! – послышалась команда мужским голосом откуда-то сверху.

Процедура повторилась. Я вновь почувствовала, что меня сканируют, как листок бумаги, а затем все замерло. Молчание и бездействие заставляли поддаться панике. Я вела себя смиренно, но в душе происходила настоящая буря.

– Возраст: 13 лет. Рост: 155 сантиметров. Цвет волос: светло-русый. Цвет глаз: голубой. Цвет кожи: смуглый. Группа крови: вторая положительная, – начал перечислять мужской голос полученные факты. – Вы являетесь номером 1524, – послышалось заключение, и наконец настали секунды долгожданной свободы, когда меня выпустили из кабинки, как зверя из клетки.

Я скорее хотела схватиться за халат, но не тут-то было. Незнакомая девушка схватила меня за руку и крепко сжала в области локтя. Я не успела и пикнуть, как у меня взяли из вены целую колбочку крови. Затем поднесли шприц с какой-то непонятной розовой жидкостью и ввели ее мне так же быстро и незаметно.

Меня отпустили в тот момент, когда отчаяние зашкаливало. Я была готова голой упасть на пол и лежать без сил, насколько хватит слез и боли.

Я чувствовала себя униженной и обреченной. Вдруг стало ясно, что я позволила ненависти захватить себя, когда поймала в каждом встречном взгляде глубокую неприязнь и презрение. Да, я ненавидела каждого из присутствующих. Мне был противен каждый звук, каждое движение.

Я была несправедлива, знала об этом, и мне вовсе не было стыдно. Внешний мир, на который я обозлилась всем своим существом, видит меня молчаливой и сдержанной и совершенно не догадывается о том, что происходит в моих мыслях. Ошибочно верить в справедливость, тая от мира бурю, бушующую в голове. Скрывая злость, свое личное отношение к миру, применяя по максимуму силу деликатности, ты создаешь огромную пропасть, отделяющую тебя от жизни. Как же это неправильно – держать такие мысли в голове. И ведь сделать с ними ничего невозможно.

Я убежала, наивно веря в то, что могу убежать от всех проблем. Но они не покидали меня даже в тот момент, когда я легла на кровать, свернувшись в маленький комочек. Иллюзия моего детства: спрятаться или зарыться куда-нибудь – и проблемы сами собой исчезнут. Это никогда не было так. Проблема – это собственное отношение к ситуации. Соответственно, от нее не убежать. Но мне было проще представить себя маленькой, чтобы проблемы уменьшились вместе со мной. Было проще винить все вокруг, нежели поменять собственные мысли и поведение.

– Майя, наши вещи забрали, – вкладывая в голос как можно больше уверенности, вдруг прошептала Лилия, усевшись подле меня. – Там были сережки мамы, а теперь их нет. Тринадцать сказала, что нам больше их не увидеть.

Я даже не дернулась, словно наперед знала, что так случится. Мне было тоскливо, но теперь я чувствовала, что злиться мне не хочется. Я испугалась, что вместе с радостью уходит и ненависть. Мое изнеможение позволяет брать верх равнодушию.

– Прости меня, Майя. – У Лилии дрожал голос, но она держала себя в руках, потому что ей нужно было быть сильной за нас обеих. – Тринадцать не хотела меня слушать, а я ее так просила... Но это ведь не страшно, правда? – И она с надеждой попыталась заглянуть мне прямо в глаза. – У нас есть то, что им не отнять. Оно непостижимо и неприкосновенно. Это наши воспоминания, наши чувства, ведь так?

Я крепко сжала руку сестры, пытаясь унять боль внутри себя. То, что сказала Лилия, – неоспоримо. Я знала, что никто не будет винить меня в том, что в данный момент ответственность за совершенные или несовершенные действия я не хочу нести. Но это будет до тех пор, пока сестра находится рядом со мной, позволяя мне быть такой отчаянной и слабой.

Глава 4. «...Это все неправда»

Я стояла у зеркала, расчесывая запутанные длинные пряди. Взгляд постоянно притягивал серый комбинезон, обтянувший все тело. На груди был вышит мой четырехзначный номер. Несут ли с собой какую-то энергию эти цифры? Если верить Светлячку, имена – поток энергии, который лишает нас самоконтроля. Неужели эти цифры – пустой звук?

Ко мне подошла Лилия. Выглядела она практически так же, как я, разве что номер на груди отличался. И лишь мне были известны ее привычки, делающие ее такой непохожей на меня. Например, щуриться от челки, лезущей в глаза, улыбаться одним уголком губ, прятать лицо в ладони от безудержного смеха, накручивать локон на кончик указательного пальца во время скучной беседы, говорить шепотом при выключенном свете, загадывать желание исключительно с закрытыми глазами, а самое главное – верить, верить в справедливость и доброту даже в самые тяжелые дни жизни...

– Мне кажется, наша вожатая другая, – ни с того ни с сего заключила Лилия.

– В каком смысле «другая»?

Сестра ничего не ответила, только протянула руку, сжатую в кулаке. До последней секунды я не тешила себя напрасными надеждами, что в этом кулаке кроется наше утерянное сокровище.

– Не сомневаюсь, что Тринадцать сохранила их специально. Я нашла их у нас под подушками. – И на ладони Лилии сверкнули две зеленые сережки нашей мамы.

Я почувствовала, как сердце взволнованно заколотилось в груди, восторженно ахнула и бросилась на шею сестры.

Необыкновенное чувство – счастье. Я совершенно точно знаю, что оно напрямую зависит от моего отношения к вещам. Счастье не требует золотых гор, оно может крыться в самом маленьком и неприметном камушке. Моя задача – просто уметь его находить.

Наверное, мне никогда не было бы так радостно, будь мне доступно все, что сердце пожелает. Ограничение – вроде бы несправедливая вещь. Однако порой только благодаря ему можно найти в себе все больше света, который согревает в нелегкие дни.

Теперь, сливаясь с толпой ребят, одетых в серые комбинезоны, я стала увереннее, ощущая на груди прикосновение маминой сережки – маленькой частички родного прошлого.

Мне стало полегче от того, что я все еще имею право на собственное счастье, даже если против него весь мир. Мое физическое тело может быть уязвимым, но мой внутренний мир будет недосыгаем, если я сама этого хочу.

После обеда Тринадцать отвела нашу группу в аудиторию, чтобы познакомить нас с предстоящими испытаниями. Говорила она монотонно и безразлично, словно вела урок по какому-то скучному предмету. Меня сместили ее попытки быть похожей на Больших людей. Она больше напоминала котенка, который старается слиться с толпой свирепых тигров. Ее щеки наливались красным румянцем, который устранял искусственно нагнанный в аудиторию холод. Все ее тело не хотело принимать новый образ. Она выглядела такой несчастной!

Тринадцать рассказывала нам о том, как Большие люди каждый день будут вести с нами занятия, и если мы будем стараться, то разовьем в себе удивительные способности.

– Зачем они нам? – не выдержала я. Меня разозлило, что ни один из присутствующих не пожелал задать хотя бы один из миллионов очевидных вопросов.

– Чтобы стать такими же, как Большие люди, – равнодушно ответила Тринадцать.

– Зачем? А что, если мне не хочется?

– Вы должны быть благодарны за возможность сохранить собственные жизни, минуя предстоящую катастрофу на Земле. У этой планеты нет шансов на прежнее существование. Она переполнена наивными человеческими мыслями.

– По-вашему, причина неминуемой гибели целой планеты – чьи-то наивные мысли? – послышался взволнованный смешок в голосе Лилии.

– Когда-нибудь вы сможете посмотреть на эту жизнь совершенно с иного ракурса. Вы станете сильнее и мудрее. И это не просто слова. Сила и мудрость придут к вам с неожиданной стороны. Само слово «жизнь» после этого приобретет для вас другую форму.

– Но это не ответ на мой вопрос, – не побоялась возмутиться Лилия.

– Борьба с мыслями, эмоциями и чувствами – невероятно сложная задача! Именно по этой причине Тринадцать будет проводить вечерние индивидуальные беседы. Соппротивление – первый шаг к самоуничтожению. Если не хотите узнать, что это такое, даже не пытайтесь бороться.

Я понимала, что Тринадцать не может просто взять и сказать: «У вас нет выбора, ребята. Вас заставят забыть собственное имя, не говоря уже о прошлом».

Глупо ждать ответов, однако и молчать невыносимо. Смешно слушать, как вожатая скрывает очевидные вещи за сложными разъяснениями. Она только и делает, что прячется от внешнего мира. Как же можно так жить?

Когда всю группу отпустили, мы с сестрой решили остаться, чтобы удовлетворить любопытство.

– Тринадцать, – я пыталась быть как можно более откровенной в надежде, что вызову ответную искренность, – кто такие «Большие люди»? Они ведь питаются детской наивностью, правда? Мы не такие, мы не хотим им потакать.

– Девочки, – вожатая была терпелива, но явно раздражена, – у меня нет никаких полномочий откровенно рассказывать о том, что происходит. Любопытство – чувство, такое же недопустимое, как восторг или злость. Вы знаете правила. Я искренне желаю вам не узнать тех мучений, которые вас ждут, если вы пойдете наперекор правилам. Поэтому я не побоюсь взять под контроль ваше поведение.

– Вы ведь не такая, как они, – разочарованная ответом, добавила Лилия. – Мы надеялись, что вы дадите нам право знать правду. Ведь в каждом «наивном ребенке» есть уже сформированная личность. Ее можно разрушить одним ударом, и после этого ребенку станет все равно. Однако до тех пор он имеет полное право знать, ради чего отдает себя в жертву. – Лилия глубоко вздохнула. – Мне страшно от того, что мы так запросто рассуждаем о таких важных вещах.

Тринадцать молчала, не желая продолжать разговор. Но я чувствовала, как взволновала ее наша беседа.

– Не смотрите им в глаза, – практически шепотом сказала она, когда мы направились к выходу. – С такими мыслями даже молчать опасно.

Все очень странно. Этот разговор разрушил все мои убеждения по поводу нашей вожатой. Мне были непонятны ее намерения, и от этого желание довериться Тринадцать тут же угасло.

Перед сном я не могла успокоиться из-за кишевших в голове мыслей. Жизнь не готовила меня к такому. Страшно, когда у тебя отнимают любимую вещь, возможность видеть близкого человека, заниматься любимым делом. Но все это можно пережить. Однако как жить с мыслью о том, что отнимают тебя саму?

– Пешки, – вдруг громко усмехнулась Лина. – Правда, мы все похожи на пешки в их игре? Я чувствую, что существую для того, чтобы стать жертвой ради чужой победы. Как думаете, это справедливо?

Меня тронула искренность этой девочки. И ведь она чертовски права. Я вдруг поняла, почему мне так сложно. Не от условий, в которых мы оказались. Но от самой себя, как бы странно это ни звучало.

Всегда, когда мне было грустно, почему-то именно Вселенная, смотрящая на меня миллионами глаз, давала ответы на сложные вопросы. И вот однажды я снова обратилась за помо-

щью к Вселенной. Разделяя с ней свою тоску и боль, я искала умиротворение и гармонию с собой.

– Это все неправда. – С этими словами подошел отец, и я удивленно на него взглянула, ожидая разъяснений. – Неправда то, что ты видишь и чувствуешь. Все существующее – ложь.

– Как так? – не могла понять я.

– Посмотри на небо, Майя. Что ты видишь?

– Звезды, – без капли сомнения ответила я.

– А теперь закрой глаза. Что видишь теперь?

Я промолчала, ведь стало совсем темно.

– Только от тебя зависит, будет ли этот мир реальным. Только от тебя зависит, будут ли гореть в небе звезды. Любые чувства, материальные вещи, все это – твое восприятие. Без тебя мир неспособен существовать.

Мне было нелегко понять это, однако я знала совершенно точно: папа хотел, чтобы я закрыла глаза на свою проблему, тем самым превратив ее в пустоту. Это оказалось несложно, но страшно было думать, что вместе с проблемами в пустоту может превратиться любовь или счастье.

– Я согласна быть пешкой, только если эта пешка будет иметь право сама выбирать свой ход, – ответила я Лине. – Но только это получатся уже не шахматы.

– И тем не менее мы в игре.

Глава 5. На грани

Проснувшись ранним утром, я вышла на балкон, чтобы осенний будоражащий холод прогнал сон. Босые ноги ощутили легкое покалывание инея, укрывшего ледяным одеялом весь пол. Неприятный озноб пробежал по всему телу, и я на мгновение попыталась представить, что вставшее из-за горизонта солнышко подарит этому миру сплошное жаркое лето.

Невероятно! Я и представить не могла, что такое холодное далекое место может быть таким красивым. С балкона нашей комнаты открывался вид на макушки снежных гор. Черное озеро волнующе вздыхало, шумя пенистыми волнами, а горы перепевали услышанную песню едва различимым эхом.

В душе возникло любимое чувство вдохновения, когда представляешь себя легкой птицей, парящей в белых облаках.

– А почему птицы летают, а люди нет? – как-то спросила сестра у мамы.

– Потому что птицы очень легкие.

Мамин ответ показался примитивным.

– А почему люди тяжелые?

– Они не тяжелые. У них слишком тяжелые мысли.

Мы не были довольны таким ответом, потому что слишком буквально понимали мамины слова. Ведь самым тяжелым порой оказывается то, что не поставить на весы. Я поняла это в тот момент, когда жизнь положила на блюдо моей судьбы огромный ломтик неприятностей.

Наверное, в жизни каждого случается момент, когда реальность настолько фантастична, что чувства начинают притупляться. Может нахлынуть волна ужаса от мысли, что все это происходит с тобой, а ты к этому не готов – но потом снова все затихает, и ты начинаешь воспринимать мир в бледных тонах сквозь темные очки, которые ты надел, защищаясь от ослепительного солнца.

– Сегодня мне приснился забавный сон, – поделилась с нами Люся за завтраком. – Я стою в каком-то классе в роли учителя. Передо мной всего один ученик в образе Большого человека. И только представьте, что происходит дальше. Я задаю ему вопрос: «Расскажите мне, как выглядит ваше сердце?» На что он мне молча указывает на лежащий за окном огромный тяжеленный булыжник.

Даже у меня, погрязшей в собственных мыслях, прорвался искренний, хотя и нервный смешок.

Расписание указывало нам идти в 114-ю аудиторию на первое занятие. Я себе и представить не могла, каким оно может оказаться. Моей фантазии для этого не хватало. Да и вообще не хватало многого: сил, физических и духовных, твердости, настойчивости и, конечно же, веры.

Аудитория выходила на южную сторону, отчего все стены были залиты солнечными лучами. Окна во всю стену открывали вид на стелющуюся лужайку к Луне.

Несколько недолгих минут спустя наше одиночество в незнакомом месте решил скрасить один из Больших людей. И несмотря на то, что он действительно был одним из них, я без особого труда разглядела в нем интересные уникальные черты. Когда я в первый раз его увидела, мне показалось, что передо мной башня. В его присутствии я ощутила себя беззащитным ребенком, который получит от этого человека огромным кулаком по голове, если вдруг ослушается. Выглядел он довольно молодо, хотя носил небольшую бородку. У него были коричневые взъерошенные волосы и яркие синие глаза, в которые, по совету Тринадцатой, я старалась не смотреть. Холодный цвет глаз совершенно не сочетался с волосами, цвет которых привел меня в восторг, напомнив о теплых красках холодного времени года. Сам этот человек выгля-

дел огромным, крепким деревом-каштаном, стоящим в холодном лесу среди множества других.

И пусть в голосе этого человека звучали знакомые ледяные нотки, пусть его лицо не подавало ни малейшего признака чувств и эмоций, непонятным образом он все-таки сумел завоевать мою симпатию. Теперь, глядя на него, я видела большой красивый каштан.

Совсем скоро у нас с сестрой вошло в привычку придумывать Большим людям имена. Эти клички словно скрашивали черно-белую палитру окружающего нас мира яркими красками, и в разговоре больше не употреблялись скучные цифры.

– Ответьте на один вопрос: способен ли каждый из вас добиться успеха в любом задании любого уровня сложности? – С этих слов Каштан начал наше занятие.

Все испуганно переглянулись. Никто не решался ответить. Ведь каждый чувствовал подвох в заданном вопросе, а учитель с нетерпением ждал, когда кто-нибудь из нас ответит неправильное «да» или «нет», чтобы самому остроумно решить поставленную задачу.

Я решила не затягивать нудную часть урока и, ответив во весь голос «нет», тут же услышала уверенное «да» из уст Лилии.

Каштан с усмешкой взглянул в нашу сторону и прокомментировал:

– Обе эти девочки правы.

Я предвкушала нечто подобное, однако все равно впала в легкое замешательство.

– Обе эти девочки правы, – повторил он для важности. – А правда заключается не в ответе, а в настрое, который вы сами себе задаете.

– Разве настрою не является частью чувств и эмоций? – В голосе сестры послышался ехидный смешок, и я невольно улыбнулась.

– Настрою заключается в хладнокровии перед тем, что предстоит. Вам просто необходимо видеть результат и идти к нему, несмотря ни на что. А результат будет таким, каким увидите его вы сами.

– Разве он не зависит от нашего желания? – не могла понять я.

– Результат зависит от нужды. А нужда не связана с чувствами. Нужда – это личное удобство, выгода.

Я знала одну вещь, которую решила скрыть от учителя – слишком меня возмущало, что нас лишили права выбора и никого не будет волновать мое личное отношение к происходящему.

Главная проблема заключается в том, что каждый из присутствующих – всего лишь часть массы, набор цифр.

– Номер 1524, выйди из группы, – послышался приказной тон учителя.

Я стояла и думала, почему этот человек не выходит. Так прошло еще какое-то время, пока я не осознала, что выйти из группы зовут меня.

Я подошла к Каштану, опасаясь, что он видит меня насквозь. Мой взгляд из-за разницы в росте упирался в его грудь, и я с облегчением вздохнула, поняв, что его синие глаза случайным образом не встретятся с моими.

– Вы этого не чувствуете, однако ваши тела издают постоянные импульсы от той или иной мысли, – продолжил он. – Эти импульсы скапливаются в энергетическую массу и способны повлиять на физический мир. Когда вы научитесь этим управлять, вы больше не будете зависимы от внешних обстоятельств. Вы сами будете творить свою судьбу.

Я ощутила легкое волнение от услышанного. Но я же никогда не смогу ощутить себя творцом собственной судьбы, так как завишу от Больших людей! Я растерялась. О какой судьбе идет речь, если мы больше не являемся личностями? Нас пытаются обмануть?

– Ваша новая одежда не так проста, как кажется. Она способна мгновенно воспринимать любые импульсы, так как плотно соприкасается с телом. Она реагирует на атмосферу и подбирает комфортную для вашего организма температуру.

Только после этих слов я поняла, что все это время мне было максимально уютно и легко, несмотря на холодную осеннюю погоду. Плотная и облегающая на первый взгляд ткань совершенно не сковывает движения, и я чувствую себя физически подготовленной к любым внешним условиям.

Холодные длинные пальцы Каштана вдруг дотронулись до моей левой руки, и послышался короткий писк. Я отшатнулась и обнаружила там, где дотронулся Каштан, яркий экран с цветной шкалой. Это был некий спектр оттенков в строгом порядке от холодных тонов к теплым.

– Эта шкала показывает ваш уровень. Сейчас вы все находитесь на первом, синем уровне. В зависимости от ваших успехов самый яркий цвет будет бледнеть, а последующий – становиться ярче. Это означает, что вы переходите на уровень выше. – Быстрым движением учитель спрятал шкалу на моей руке.

Каштан отпустил меня и зачем-то прошел к окну. Все заинтригованно наблюдали за каждым его действием. Он начал занавешивать широкие окна темно-синими занавесками так, что вся аудитория наполнилась мраком. Теперь никто не в силах был разглядеть Каштана. Все молчали и, казалось, боялись шевелиться и даже дышать. Тут тяжелая холодная ладонь коснулась моего плеча, и яркая вспышка света вырвалась из силуэта позади меня. Я оглянулась и увидела, что это костюм учителя горит лунным светом.

– Кто сказал, что мы бессильны перед темнотой? Абсурд. Просто вообразите себя одной из миллионов звезд на небосводе. Вот вы зависли в воздухе высоко-высоко, и от вас исходят миллионы лучиков! – И в ту же секунду мой костюм загорелся светом луны и стал испускать лучи метра на два вперед. Следом загорелись все остальные костюмы, и мне в самом деле показалось, что я – маленькая яркая звездочка в небе. Это оказалось приятно и даже забавно, словно мне действительно подвластно все – и нужно лишь закрыть глаза и представить желаемый образ.

Но нам недолго позволили ощущать себя частью большой вселенной. Стоило лучам солнца проникнуть в аудиторию, как мы все потухли, словно задутые свечи, истекающие капельками воска и оставляющие после себя лишь легкий сизый дымок.

– Обратите внимание на то, как ваши костюмы мгновенно принимают ваши мысленные сигналы, даже несмотря на то, что они у вас крайне слабые. Вам понадобится большая сноровка, для того чтобы сигналы услышала сама Вселенная.

– Разве Вселенная способна воспринимать наши сигналы так же молниеносно, как костюм? – удивленно спросила Лилия.

– Разумеется. Но надо принимать во внимание тот факт, что Вселенная не просто освещает нам путь и показывает, который час. Она выполняет слишком сложные задачи, на которые необходимо время. При этом время – относительное понятие. Время мы определяем сами. Наше сознание определяет его длину. Таким образом, «сейчас» – это сегодня и, может быть, завтра. – Моя голова не успевала так быстро воспринимать информацию, а так хотелось все это понять! – Главная проблема людей заключается в рамках, в ограничениях, которые они сами же себе установили. Слишком большое количество чувств и эмоций лишает человека способности совершать великие дела.

Я вдруг представила себя такой же черствой и бесчувственной куклой, как Большие люди.

– Скажите, – взволнованно спросила я, – «великие» – это какие?

– Любопытство лишит номер 1524 возможности вообще когда-нибудь узнать о великом.

Меня разозлило, что обоснованный интерес так резко пресекается Большими людьми. Разозлило, что больше никто из присутствующих не задавал вопросов.

– Хладнокровие – это сложная работа над собой. Это умение контролировать свои чувства и эмоции. Однако если ему не придать должного значения, путь к успеху окажется слиш-

ком долгим. – На лице Каштана не дернулся ни один мускул. – Чтобы пробежаться по осколкам босыми ногами, достаточно просто не знать чувства боли и страха. Поначалу будет сложно укротить в себе чувства и эмоции. Попробуйте вылить их на страницы тетрадей, которые каждый из вас сейчас получит. Вы напишете самое сокровенное на пустом листе и сможете ощутить власть и контроль над самими собой.

Мне эта идея не показалась привлекательной, особенно когда Каштан вместе с тетрадью нацепил на мою руку тяжелый браслет, тут же обхвативший запястье.

– В чем наша задача? – не могла понять я.

– Пустые страницы необходимо заполнить яркими воспоминаниями из прошлого, – попытался объяснить мне учитель. – Любое написанное слово будет исчезать на бумаге, так как ваши чувства и эмоции, какими бы они ни были, – это то, что касается только вас. Браслет измерит ваш пульс и максимально точно передаст воспоминание.

Я подошла к сестре, которая растерянно уселась на широком подоконнике у самого последнего окна. У нее дрожали губы, глаза испуганно метались.

– Майя, мне страшно! – честно призналась она. – Я чувствую, что-то не так.

– И я, поэтому не буду ничего писать. Нас водят за нос, веря в нашу детскую наивность.

– Остальные почему-то этого не понимают.

– До остальных мне дела нет! – Я услышала в своем голосе злобу, которой сама себе не простила бы. – Они просто не хотят ничего понимать.

– Майя! – Сестра взглянула на меня с отчаянием. – Что, если мы напишем в эти тетради о своем прошлом и навсегда забудем его вместе с исчезнувшими буквами?

Я почувствовала, как к горлу подступил ком. В ту секунду я вдруг разозлилась на родителей, которые так легко отпустили нас. Несправедливо было с моей стороны винить их, не зная правды, но если они были в курсе, что нас ждет, – и все равно отпустили нас?..

Мне стало страшно от мысли, как тонка наша с ними связь. Она держится лишь на воспоминаниях и может оборваться в любую секунду.

Волна ужаса пришла вместе с пониманием всей силы моих воспоминаний. Ведь то, какая я есть, – это результат прошлого. Без него я стану совершенно другим человеком. Отдать свое прошлое – это значит отдать себя настоящую. Просто невыносимо!

– Какая я слабая, – только и выдохнула я, когда вдруг осознала, что вся моя сила – на грани пропасти.

Глава 6. В поисках истины

– Как думаете, делают ли воспоминания нас слабее? – поинтересовалась Люся, когда мы удачно пережили первое занятие.

– Разумеется, – без капли сомнения ответила ей Лина. – Я вдруг всерьез задумалась о собственной жизни. Что, если переизбыток чувственности лишает нас возможности идти вперед?

– Это куда? – не поняла я.

– К независимости, к новым неизведанным возможностям. Мы ведь даже не представляем, каким сильным может быть человек. И речь не о физической силе.

– А как же наши воспоминания? Как же доверие и любовь родных? О чем именно ты писала сегодня?

Лина на секунду замерла, словно прислушиваясь к своему внутреннему голосу. У нее заблестели глаза и побелело лицо.

– Я не знаю! – вскрикнула она. – Могу задать тебе встречный вопрос.

А что бы я ей ответила? Прежде чем что-то утверждать, надо быть уверенной, что ты честна перед собой. Я боялась, что Лина обманывала не нас, а себя.

Мы слишком много тратим времени на догадки о том, как правильно жить. Нам никто этого не скажет и не покажет, но мы не устаем искать правду. Наверное, она начинается с честности перед собой. Если внутри нет гармонии, то какой смысл в правде? Вот во мне гармонии не было, и это моя главная проблема.

Откровенно говоря, я надеялась на очередной разговор с одним из Больших людей. Ведь несмотря на то, что занятие с Каштаном вызвало у меня много противоречивых чувств, это странным образом упорядочивало все внутри. Собственные убеждения начинали оправдываться, и становилось легче.

Однако следующее занятие протекало несколько иначе. Не сказав ни слова, Кукла усадила каждого за отдельный стол и выдала по чистому листу бумаги.

У меня возникло неприятное подозрение, что нас в очередной раз заставят описывать нечто сокровенное из личной жизни. Мозг, пережидая недолгую паузу, стал накидывать варианты того, что будет дальше. Фантазия не знала границ, так что реальность не оказалась столь удручающей.

– Сегодня вам будет предоставлена возможность познакомиться с собственными силами намного ближе. Кто-нибудь знает, что лежит в основе физической силы?

Все недоуменно пожали плечами. У меня возникла довольно забавная мысль: может, Большие люди просто потеряли контроль над собой? Физическую силу легко оправдать переизбытком чувств, однако ее основа – в контроле над собой, в контроле собственных эмоций.

– Основой физической силы является слабость! – Ответ был похож на утверждение.

Я вдруг серьезно задумалась над сущностью правды. Может, ее и нет вовсе? Любое утверждение спорно, ведь у каждого человека собственное «синее море». Все опирается в отцовскую «Истину». Если нарисовать на листе цифру восемь, то разве я не буду права, утверждая, что вижу перед собой цифру? Но разве будет неправ тот, кто скажет, что видит перед собой знак бесконечности? Возможно, этот человек просто видит мою восьмерку с другой точки зрения.

– Получается, что не люди властны над слабостью, а она над людьми. Проявление физической силы – посмешище.

Данное утверждение было для меня чуждо.

Вероятно, я просто неспособна разглядеть в своей восьмерке иной знак.

– Человек никогда не развивал в себе внутреннюю силу, ту, которая властна над целым миром. Она способна повлиять на материальный мир, изменить ход событий, сделать вас неза-

висимыми. Вы начнете с малого, но с невероятно важного. Вы начнете ощущать контроль над собой и полное сосредоточение на поставленной задаче. Для выполнения действия вам не понадобятся какие-либо предметы – нужна всего одна мысль. И если она окажется в вашей власти, то пустой лист бумаги наполнится чернилами, и это не шутка. Вам необходимо написать на листе слово или хотя бы букву, не шевеля ни одним пальцем. Будьте уверены: результат даст о себе знать, если вы приложите максимум усилий. Самое сложное – это эмоции и чувства, которые лишают вас возможности контролировать внутреннюю силу. Если вы сумеете всецело взять себя под контроль, то вам представится возможность управлять собственной жизнью.

После этого монолога мне стало не по себе, потому что попытки хоть как-то выполнить задачу ничего, кроме смеха, не вызывали. Все вокруг усердно устремили взгляды к пустым листочкам. Наивность ребят начала меня раздражать. Я взглянула на свой лист и вдруг вспомнила, как в моменты одиночества часто играла сама с собой в такую игру: брала любое понравившееся слово и повторяла его много раз. Постепенно я начинала замечать особый вкус, запах и даже тепло этого слова. Я прислушивалась к его мелодичности и порой даже влюблялась в него.

Никто ведь никогда не придает слову «зефир» особого значения, за исключением тех, кто без ума от этой сладости. Но смысл не только в значении слова – смысл и в буквах. «Зефир» мне всегда казался особенным. Если его повторять в голове по многу раз, непроизвольно расслабляешься. Ты словно оказываешься летним утром на прохладном песке, под лучами только что проснувшегося солнышка. Когда-то я могла повторять слово «зефир» по сто раз на дню.

Я на секунду попыталась визуализировать округлые буквы любимого слова на пустом листочке. Представила, как запах свежих чернил приятно ударяет в нос и слегка расплывается на последней букве в жирном пятне. Глаза сами собой закрылись от удовольствия. В моих представлениях «зефир» должен был быть написан только синими чернилами.

Приятный ветерок от окна вдруг обдул мое напряженное лицо, и я почувствовала, как сильно разболелась голова. В носу неприятно запульсировало, и стало тепло. Открыв глаза, я обнаружила на белом листе кровавые пятна, а под ними написанное слово «зефир». Я рассмеялась во весь голос и тут же испугалась: кровь из носа полилась ручьем. Кукла направилась в мою сторону.

– Что происходит?

«Зефир» был ровно таким, как я его себе вообразила. Сглаженные концы букв, аккуратный печатный почерк и синий цвет, за исключением кровавых пятен.

– У меня слабые сосуды. – Я не узнала собственный голос. – Позвольте мне выйти?

– Разумеется.

Я выбежала из аудитории, захватив окровавленный листок с собой. Весь коридор был залит солнечными лучами из единственного окна. Где-то вдалеке наплывали серые тучки, рассчитывая отнять у природы шанс насладиться последними теплыми деньками. Но солнце продолжало сиять из последних сил, не намереваясь уступить.

Я присела на подоконник, укутавшись в теплые лучи. Боль мгновенно ушла, оставив легкую пульсацию в висках. Мне удалось прийти в себя и вместе с тем остановить поток крови.

– Быть такого не может! – Я редко разговаривала сама с собой вслух, однако вся эта история с зефиром чуть не свела меня с ума.

Правда была слишком фантастичной, чтобы называться реальностью. Я не могла поверить в собственные – явно сверхъестественные – силы, которым не удавалось дать никакого здравого объяснения.

В ту самую секунду я почувствовала, что что-то не так, словно бодрствующую меня поместили в чей-то сон. Стало страшно и неудобно в собственном теле.

Вдруг я смогла прочувствовать боль, которую ощущают сумасшедшие люди, способные на непростительные поступки. Эта боль похожа на отчаянный беззвучный крик, который

никто не слышит, потому что не хочет этого. Ты болен, но тебя не жалеют, потому что твоя боль не выражена физическим недомоганием. Ты можешь причинить зло, быть несправедливым и бесчувственным и никогда не осознать собственного безумия. В подобном неосознании и заключается страшная боль. Ты проживаешь всю свою жизнь безумцем, которого никто не любит – мало того, тебе могут желать смерти. Вроде бы справедливо? Ты причинил зло чужим близким, подверг их мукам или унижениям, возможно, даже лишил жизни. Тебе нет оправданий, и тебе не знать теплоты добрых чувств. Ты этого не осознаешь, и это страшно, ведь ты болен – но твоя боль слишком некрасива, чтобы кто-то мог и хотел разделить ее вместе с тобой. Что может быть страшнее неосознания подобной жизни? Только ее осознание. Осознание произошедшего и понимание необратимого. Возможно, неосознанная боль в таком случае – лучшая, но слишком горькая награда.

Я не смогла дать объяснения возникшим мыслям и чувствам, однако стало так тоскливо! Я вдруг прочувствовала неосознанную боль всех, кто меня окружает. Больших людей, которые совершают необъяснимые вещи и принуждают детей становиться такими же бесчувственными. Детей, которые слепо идут у них на поводу и даже не пытаются бороться за справедливость.

По моим щекам потекли слезы – наверное, это была непростительная жалость к себе, слабость. Я плакала, ведь я просто ребенок. Ведь детям позволяют быть слабыми.

– Иногда хочется, чтобы за тебя решили все проблемы, сказали, как правильно поступить, и рассказали о том, как нужно жить в этом мире, – как-то сказала я своей маме, будучи уверена, что услышу достойный ответ.

Моя мама грустно улыбнулась, поймав мой наивный детский взгляд.

– Даже самый мудрый человек не сможет сказать совершенно точно, как правильно жить в этом мире.

– Ну почему? Ведь если бы люди знали все тайны этого мира, правду жизни и все, что за ее пределами, не было бы никакой несправедливости. Что, если я проживу неправильную жизнь?

– Если бы люди знали правду, то какой смысл в том, что ты умеешь любить, верить или помогать? Все это стало бы просто твоим пропуском в правильную жизнь. Никогда не подчиняйся чужим законам, если они чужды тебе и непонятны. Ты должна быть честна перед собой. Если ты будешь знать Истину, то ты никогда не будешь настоящей. Твои добрые намерения никогда не будут добрыми, если за ними стоит личная выгода.

– Но если у каждого человека будет своя правда – иными словами, свой Бог, – то будет ли единство в мире?

– Единство заключается в уважении к человеку, у которого своя истина, который верит в свою истину честно, но не безрассудно.

Никогда не забуду тот разговор с мамой. Только совсем недавно я смогла ясно осознать смысл ее слов. Нужно стремиться к пониманию друг друга, несмотря на то что каждый видит Бога по-своему. Только таким образом мы будем близки к Истине, будет единство в мире. А соответственно, не будет страха сбиться с пути.

День близился к концу. Столько всего произошло, что этот день ощущался целой неделей. Последним штрихом была беседа с нашей вожатой. Мы ждали своей очереди у себя в комнате.

Лиля и я стояли на балконе, оказавшись во власти удивительного пейзажа в образе снежных гор.

– Удивительно, правда? – Лилия была заворожена. – Сколько неизвестного таится в природе этой планеты. И ведь мы не задаемся вопросом, отчего деревья живут дольше людей, а люди дольше птиц? Некоторые бабочки живут всего день, представляешь? И для них этот день равносителен нашей жизни. В природе столько сложного...

– К чему ты ведешь? – не могла понять я.

– Каждый человек – отдельная природа. Если мы не можем ее познать, то, может, и не стоит?

– Мне и не хочется, – честно призналась я. – Но мне также не хочется как-нибудь проснуться утром и не узнать тебя. Подойти к этому балкону и не задержать глаз на горах, как на чем-то не имеющем значения.

– Я знаю, что с тобой случилось сегодня. И это будет с нами происходить постоянно, пока мы здесь.

– О чем ты говоришь? – испугалась я.

– Я просто чувствую так, Майя. Ничего не знаю, просто чувствую. С нами что-то не так. Мы смотрим на этот мир через призму своего сознания, понимаешь? И события, которые происходят с нами, зависят от нашего взгляда. Я чувствую, наша вожатая хочет нам помочь, потому что тоже видит это.

– Что же это за чувство такое?

– Ему нет названия, как и многим другим. – Мне была как никогда приятна ее уверенность. – В этом и заключается главное заблуждение Больших людей. Они знают только то, у чего есть имя. А самым настоящим чувствам нельзя дать имен.

Сестра растрогала меня до глубины души. Чувства действительно бывают настолько таинственны и сильны, что неспособны как-то называться. Порой, чтобы выразить свои чувства, я не нахожу слов. Наступает момент, когда все-таки необходимо объясниться, и я выбираю самое нелепое слово, которое ничуть не способно передать то, что творится у меня в душе.

Наш разговор и мои размышления перебил громкий хлопок двери. Вбежала Лина, уставшая и изнеможенная. Она потупила взгляд, в очередной раз пытаясь избежать контакта с нами.

Люся пожала плечами в ответ на наши вопросительные взгляды и спряталась в углу своей кровати.

– Лина, – с дрожью в голосе сказала сестра. – Тебя что-то беспокоит? Почему ты избегаешь нас?

У Лины блестели глаза, однако злость сменилась обреченностью.

– Проблема в том, что все это время я лгу сама себе. – Никто из присутствующих не мог уловить ход ее мыслей. Мы все с любопытством придвинулись к ней в ожидании откровенного разговора. – Я ведь знала обо всем. Знала, кто такие Большие люди, знала, как относиться к тому, что будет, – до тех пор, пока не оказалась здесь. Отец повторял мне каждый день одну и ту же фразу: «Быть может, именно ты – связующее звено будущего людей». Он верил в мои силы и желание измениться. Он верил, что я смогу стать последовательницей Больших людей и узнать их сущность. Но их сущность скрыта в глубинах космоса и никогда не будет достигаема – просто потому, что я сегодня поняла, что не хочу их узнавать. – Лина сделала небольшую паузу, и я почувствовала, как нелегко ей это говорить. – Сегодня я поняла, что мне безразлична вера собственного отца. Я называю жизнь Больших людей «живой смертью». Когда отец в первый раз рассказал мне о них, я засомневалась в том, что они люди. Не исключаю, что они из другой вселенной, потому что наш мир держится на чувствах и глубине человеческого сознания.

– Что тебе говорил отец? – Глаза Люси загорелись любопытством.

– Мы обязаны подчиняться Большим людям, если хотим сохранить свои жизни. Он хотел, чтобы я смогла зажечь звезду в небе.

– Что это значит? – усмехнулась сестра.

– Отец говорил, что каждая звезда – это бесконечность. Если я стану последовательницей Больших людей, то смогу создать собственную бесконечность.

– Лина, – я положила руку на плечо девочки и почувствовала, как ей захотелось кому-то довериться, – ведь неважно, что хотел твой отец. Важно то, чего хочешь ты.

– Я хочу поступить правильно, – взволнованно ответила она. – Что, если, послушавшись указаний отца, я поступлю неправильно?

– А кто знает, что правильно для тебя? Лина, это ведь твоя жизнь. Даже те, кто нас любит и желает нам добра, порой ошибаются в том, что для нас лучше. Просто потому, что твоими глазами на мир больше никто не смотрит.

– Не стоило сегодня ничего делать, когда нас попросили записать воспоминания в тетради. Я чувствую, что-то пошло не так, – послышался обеспокоенный голос Люси. – Все, о чем мы сегодня писали, стерлось из моей памяти навсегда.

Мы с сестрой грустно переглянулись, и в моей голове тут же возникла ужасная мысль.

– Если мы не будем пытаться бороться с этим, вскоре каждая из нас забудет даже собственное имя. Большие люди этого и ждут.

– Но какой смысл от наших жизней, если мы не будем осознавать самих себя? – У Люси был как никогда испуганный взгляд.

– У Больших людей определено есть цель. – Голос Лины прозвучал твердо и решительно. – Наши жизни им необходимы для личной выгоды. У них на нас планы. Пустые головы наивных детишек как нельзя лучше реализуют их цели. Они пользуются детской наивностью – ведь обхитрить ребенка куда проще, чем зрелого человека с осознанием собственной сущности.

– А что, если они просто хотят нам помочь? – Люся не оставляла надежд.

– Мне тоже было бы проще так думать.

Глава 7. Благородная сила

В комнате вожатой было душно и мрачно. Тусклые керосиновые лампы заполнили углы комнаты. Благовония защекотали ноздри, но затем я распробовала приятные и интересные тонкие нотки муската.

Тринадцать приветливо встретила меня и усадила в мягкое кресло. Любезно предложив мне чаю и проигнорировав отказ, она начала насыпать заварку в сито и наливать в чашку кипятка.

Ее пальцы судорожно хватались за предметы и почему-то дрожали, словно внутри девушки было мрачно и холодно. Мой взгляд привлекла белая марлевая повязка вокруг ее среднего пальца. С нее постоянно сыпались распутившиеся ниточки, и двигать пальцем Тринадцать явно было неудобно.

– Ты не голодная? – Голос прозвучал вроде бы твердо и уверенно, но нотки беспокойства и заботы я распознала без труда. В ответ я помотала головой, погасив во взгляде любопытство. – Ты хорошо ешь? Твоя сестра жалуется на отсутствие аппетита.

Я соврала, что отлично себя чувствую и полна сил, в то время как пульсирующая боль в висках напоминала о сложности прошедшего дня. Я не была настроена на разговор, однако эта девушка была мне непонятна и, безусловно, вызывала интерес.

– Твои попытки скрыть свои чувства обречены на провал, Майя.

Я взволнованно подняла взгляд и встретила с серьезными настойчивыми глазами вожатой.

– Точно так же, как и ваши. — Я удивилась собственной смелости.

– Я хочу помочь вам и не пытаюсь этого скрывать, – хладнокровно ответила Тринадцать.

– Почему вы другая? Почему вы не такая, как они?

– Ты ошибаешься, я такая же, как они. Иначе мое присутствие здесь было бы недопустимо.

– Мне кто-то сказал, что через глаза можно распознать человеческую сущность. Большие люди – прямое доказательство. Мне больно смотреть в их глаза. Их взгляды словно желают власти, они оголяют мою душу и врываются в ее запретные уголки. У вас не такой взгляд, Тринадцать. Не пытайтесь меня обмануть.

– Я такая же, как они, Майя. И я не устану это повторять. Если я позволю себе, то смогу точно так же смотреть на тебя, как они. Но я этого не сделаю, потому что хочу помочь вам. У вас с сестрой особенный взгляд, и именно поэтому прямой контакт с Большим человеком вызывает у вас боль. Особенность заключается в цвете ваших глаз. В них скрыт цвет, подобный цвету глаз Большого человека. В вас скрывается сила, которая при контакте с Большим человеком невольно оказывает сопротивление.

– Я не понимаю, – обреченно призналась я.

– Это естественно, вы ведь совсем дети, а вес проблем, свалившихся на ваши хрупкие плечи, не по силам порой и зрелому человеку.

– В этом и суть, правда? Взрослого человека невозможно обмануть так же наивно, как нас. Ребенку можно приказать и выбрать его жизненный путь за него. Именно поэтому в число обучающихся не входят взрослые. Потому что более осознанная и сформированная личность неспособна легко поддаваться влиянию.

– Не нужно думать, что Большие люди – отражение зла. Они не занимают плохую или хорошую позицию.

– Оставаясь на нейтральной стороне между добром и злом, человек невольно выбирает зло. А неосознание своего выбора не снимает с человека ответственности.

– Майя, я хочу помочь. Мне нужно ваше доверие, чтобы облегчить вес предстоящих испытаний.

– Как вам верить, Тринадцать? Вы такая же, как они. А я не могу доверять Большим людям.

Наш разговор зашел в тупик. Я смотрела на Тринадцать и чувствовала, как хочу довериться ей, но не могла позволить себе подобную слабость. Этому миру стало сложно доверять. Именно в таких искушениях чаще всего кроется самая жестокая ложь.

Я направилась к выходу, чувствуя в ногах невероятную усталость. В душе было тоскливо от чувства собственной несправедливости.

– Это я, – сказала Тринадцать. – Это я спасла сережки вашей мамы.

– Мы с сестрой забыли их в комнате. Никто их не спасал. – Я была вынуждена солгать, мне хотелось ее оскорбить.

Я была несправедлива, но непоколебима в своих решениях. Люди часто обвиняют во лжи весь мир, будучи обманутыми одним человеком; перестают верить в добро, однажды столкнувшись с жестокостью зла. Страх оказаться брошенным и оскорбленным лишает желания доверять. И мы слишком часто оказываемся несправедливы к большому количеству людей, которые честны и добры с нами.

Я всегда давала шанс людям. Потому что они – не масса. Каждый человек особенный. Но сейчас я находилась на грани пучины и могла увязнуть навсегда. Я не хотела рисковать доверчивостью, которая в любой момент могла обратиться против меня самой.

Каждый день я искала в себе силы бороться за собственное счастье. Иногда я давала слабину, обвиняя весь мир в несправедливости. Искала свои грехи, за которые жизнь требует столь высокую цену. Смотрела в окно и просила прощения у природы за осознанные и неосознанные поступки, в которых крылось то самое зло, за которое мне приходится платить.

В жизни человека никогда не случится то, что может сломать его. Человек сам себя ломает. А испытания судьбы никогда не переселят человеческую веру. Об этом нельзя забывать. Иначе слабость когда-нибудь поглотит тебя.

Никогда не подумала бы, что смогу согласиться с мыслями и идеями Большого человека. Раньше мне казалось это абсурдным и недопустимым. Но однажды я столкнулась с волнующей сценой, где участвовал неизвестный мне мальчик и один из Больших людей.

Мальчик внимательно смотрел на своего учителя, но в его глазах таилась ужасная боль. Было видно, как он пытается справиться с ней и как ему сложно. Светлые пряди волос постоянно падали ему на глаза, и он нервно поправлял их. Он сжимал зубы и щурился, словно боль грызет его изнутри.

– Боли нет, есть только знание о существовании подобного чувства. – Белолицый говорил умеренно и хладнокровно. – Человек сам не осознает, как подпитывает боль силой собственных мыслей. Болезнь существует только в мыслях, в страхах, в ненависти, в слабости. Контроль над мыслями и чувствами поможет создать баланс и гармонию в теле.

Мальчик присел на колени без сил. Он терял связь с миром и с самим собой. Он падал и больше не хотел подниматься. Он начал хрипеть и задыхаться.

Я почувствовала себя бессильной перед этой ситуацией, а неизвестный мне мальчик стоял в шаге от неминуемой гибели. Он был тяжело болен, а единственным его лекарством было слово Большого человека.

– Боли не существует! – внушал ему Белолицый. – Как не существует света, пока глаза закрыты. Отправь мысли о боли в бездну, вырви эту боль с корнем из своей головы и брось гореть в самое жаркое пламя. Дай волю собственному телу, дай ему шанс продолжать жить.

Мальчик устало сидел на коленях, и слезы непроизвольно лились из его глаз. Он боролся каждую секунду, но был недостаточно уверен в собственных силах.

– Сила никогда не будет на стороне человека, пока он применяет ее против собственной слабости. Сила – это не борьба. Это баланс между плохим и хорошим. Это единство. Это осознание собственного бытия.

Я вдруг почувствовала, как мальчик прекратил жадно ловить воздух. Его тело перестало нервно вздрагивать и расслабилось, глаза закрылись. Мальчик не был мертв, но не дышал. Он искал глоток воздуха не у мира, а у самого себя. Он не дышал, хотя был жив. Он не шевелился, но не переставал бороться.

Мне стало страшно от того, что я здесь просто зритель. Я знала, что не должна ничего предпринимать, иначе только усугублю положение. Этот мальчик был слишком мал для такой огромной боли, и я закрыла глаза, пытаюсь забрать на себя хотя бы часть того, что ему приходится переживать.

Мальчик не был мертв, хотя не дышал уже больше минуты. Он был сосредоточен на самом себе, а не на внешнем мире.

Мальчик жадно поймал воздух и открыл глаза. Его взгляд был спокойным, но полным силы. Настоящая победа о себе не кричит.

Я вдруг ощутила разницу между желанием и попытками изменить свою жизнь. Я ощутила источник этой жизни внутри себя, а не снаружи, почувствовала власть и контроль над собственной судьбой. Мне стал приятен вкус честной и искренней победы над всеми предстоящими испытаниями. Осознание власти было красиво и справедливо.

В ту самую секунду Большой человек стал для меня не так далек. Я увидела его таким же слабым и немощным, как минуту назад этот мальчик, отчаянно задыхавшийся, умиравший. Большой человек не дает волю собственной слабости. Он справедлив к себе и гармоничен со своим телом.

Эта сцена навсегда отпечаталась в моем сознании. Слова Большого человека нередко направляли меня на нужный путь, и я переставала терять контроль и саму себя в этом мире. Я не тешила себя напрасными надеждами, что когда-нибудь смогу найти контакт с Большими людьми, но я пыталась быть терпимей и справедливей к ним.

Когда нас учили избавляться от страха, я вдруг представила, как в какой-то момент перестану бояться одиночества. Тогда я больше не буду нуждаться в любви и понимании.

Каждый день меня терзает страх за жизнь родной сестры. Это невыносимо, но необходимо. Иначе в какой-то момент вместе с отсутствием страха придет безразличие. Страх делает меня сильнее, потому что напоминает о важном и ценном.

Когда нас учили избавляться от страха, нам нужно было представить его в образе дома, а себя – великанами, способными одним шагом раздавить этот дом. Я знала, почему Белолицые просили именно об этом. Потому что за стенами страха живут самые важные чувства. Они нуждаются в его защите.

От страха тянется несколько дорог, и только ты сам выбираешь, по какой именно идти. Он может быть опасен, если выбирать дорогу вслепую. Белолицые пошли вслепую и, столкнувшись с неудачей, решили просто избавиться от этого чувства навсегда.

Я не могла поступить так же, иначе с моим страхом разрушатся остальные чувства.

Когда я стояла, невероятно высокая, перед своим ничтожно маленьким домиком, я боялась оступиться и случайно раздавить его.

Без страха я никогда больше не распознаю ложь. Я смогу идти вперед и достигать вершины, но в этом исчезнет всякий смысл.

– Вы даже себе не представляете, какой силой обладает пустота, – как-то сказал нам Каштан на очередном занятии. – Умение избавляться от всех мыслей, чувств и эмоций сразу заставляет тело погружаться в крепкий сон. У вашего тела слишком чуткий слух, потому что оно – ловец всех сигналов вашего мозга. Ваше собственное тело докажет силу пустоты, а также слабость и ничтожество чувств.

Каштан подзывал к себе каждого из нас по очереди, объясняя суть данного феномена. Мне были смешны попытки ребят уснуть на ровном месте без подушки под головой.

– Отсутствие всех мыслей сразу – сложная задача, потому что вы все еще зависимы от чувств и эмоций, – продолжал он. – Вообразите в своей голове образ, к которому не испытываете ни малейшего чувства. Им может оказаться любой неодушевленный предмет. Пусть это будет камень. Сосредоточьтесь на нем. Представьте, что все ваше прошлое, настоящее и будущее – этот жалкий камень. Он никогда не будет отражением ваших чувств и порождением сложных мыслей. Смотрите только на него и наполняйте свой мозг пустотой.

– Мне как-то снился сон, – мечтательно запрокинула голову Люся, абстрагировавшись от наставлений учителя. – В этом сне я писала свои чувства в ту самую тетрадь с полным осознанием того, что больше никогда не вернусь к своим воспоминаниям. С каждым написанным словом я чувствовала, как мое тело становится легче. Когда мой мозг освободился от всех чувств и эмоций, которые порождались прошлыми воспоминаниями, я поняла, что превратилась в бабочку. У меня выросли крылья, и я улетела из этого места навсегда.

– Это искушение, – послышался испуганный голос Лины. – Мне отец рассказывал о таких вещах. Это не просто сон, это искушение.

– О чем речь? – Лилия явно была обеспокоена.

– Наш организм испытывает стресс от нагрузок, которые нам задают Белолицы. Мозг начинает применять защитную реакцию. Если научиться управлять собой во время сна, можно когда-нибудь в действительности превратиться в бабочку, как Люся, и больше никогда не проснуться.

– Мне Тринадцатая говорила о чем-то подобном, – с дрожью в голосе вспомнила Люся. – Она рассказывала о последователях Больших людей, которые использовали полученные навыки для создания собственного идеального мира.

– И каков этот мир? – Мною овладело любопытство.

– Для человека, который создал такой мир, он реален так же, как и этот. В нем живет только то, что ему нравится или необходимо. Но есть риск, что к человеку вернуться его страхи и разрушат идеально созданный мир. Тогда он сойдет с ума и, очнувшись, больше никогда не найдет покоя в реальности.

Что, если настоящее, в котором я нахожусь, – всего лишь иллюзия, порождение моего мозга? Где гарантия того, что вчера я не жила жизнью совершенного чужого человека, а сегодня просто осознаю себя под действием ложных воспоминаний?

Теперь мне стал близок мир сумасшедших. Такие люди просто теряются в реальностях, которые создает их мозг. Какой же волей надо обладать, чтобы не заблудиться в самой себе...

– Номер 1525, – послышался зов учителя.

Мы все еще находились на уроке Каштана и учились освобождать свой мозг от мыслей и чувств. До нас дошла очередь, и Лилии необходимо было встать рядом с учителем, чтобы опробовать услышанную теорию на практике.

Сестра была непоколебима, стояла ровно и уверенно. После каждого наставления Каштана она опускала свои веки, словно впадая в легкую полудрему.

Я не имела представления, о чем она могла думать в тот момент. В действительности ли сосредотачивала свои мысли на камне, создавала пустоту в собственной голове? Быть может, она думала о реальности, в которой находится ее сознание, или о власти мыслей, которые вертят им как вздувается?

Я смотрела на Лилию и чувствовала, как держу свои страхи и эмоции под контролем, как уверена и непоколебима перед любыми испытаниями. Я пыталась больше не ставить под сомнение правдивость собственного существования и осознания, потому что любовь к уникальной и невероятно хрупкой девочке, которая уверенно стоит напротив меня, способна перемещаться через все существующие и несуществующие реальности.

Я смотрела на Лилию и видела часть себя, часть своей души и тела. Я видела смысл своей жизни, свои силы и страхи. Я знала, что способна владеть собой только до тех пор, пока в этом мире есть доказательство любви и красоты в образе моей сестры.

В аудитории вдруг повисло безмолвие. Тишина была оглушительнее грома. Лиля стояла, опустив веки, пошатываясь на мягких ногах. Каштан, не отводя глаз, наблюдал за ней, не говоря ни слова.

Так продолжалось слишком долго. Я с нетерпением считала секунды, отведенные Лилии на выполнение задачи. Минута казалась настоящей вечностью. И в тот момент, когда мое терпение стало подходить к концу, сестра, так и не открыв глаз, шумно упала на пол.

Я ошеломленно застыла в ужасе. Казалось, что я во сне. Тревожные возгласы вернули мое сознание к реальности, и я заставила себя со всех ног побежать к сестре.

Бездыханное тело Лили словно находилось в трансе, лежа естественно и спокойно, будто сестра просто решила вздремнуть часок-другой.

– Почему так произошло? Что с ней? – Я не могла унять ярость к учителю. – Сделайте так, чтобы моя сестра проснулась! – вскрикнула я.

Каштан вел себя как ни в чем не бывало. Он равнодушно присел на пол, осторожно приподняв голову Лилии. Мне стало неприятно от того, что эти холодные бесчувственные руки позволяют себе прикасаться к столь прекрасному и чистому созданию. Но я знала, что в данную секунду здоровье, а может, даже жизнь моей сестры зависит только от него.

Я пыталась держать эмоции при себе, чтобы не усугублять и без того тяжелое положение. Но меня не могло не выводить из себя бездействие учителя, который ничего не пытался предпринять, а только молча смотрел на Лилию.

Наверное, еще минута, и я бы с ненавистью заорала на Каштана, но сестра пришла в себя, тяжело подняв уставший взгляд.

Все произошло так внезапно, что я совершенно растерялась.

– Майя, я в порядке, – сразу сказала сестра, сжав мою дрожащую руку.

Я помогла ей подняться на ноги, чувствуя, как едва поддерживаю свое тело.

– Именно такой молниеносный эффект оказывает сила пустоты мыслей и чувств, – прокомментировал Каштан, не отводя взгляд от Лилии. – Человек сам задает себе установки и решает, способен он выполнить поставленную задачу или нет. Самое феноменальное заключается в том, что в любом случае он окажется прав.

Философия учителя мне показалась неуместной, но я не забывала о том, что Белолицы в душе черствее камня. Поэтому мне показалось бессмысленным требовать от Каштана хоть каких-то чувств.

Я постоянно следила глазами за Лилей, убеждая себя в том, что ей не грозит опасность.

Пустота – это страшно. Даже зло не так страшно, как пустота. Потому что у зла всегда есть обратная сторона. Но существует какая-то неизведанная, поистине благородная сила, которая всегда оставляет за человеком выбор. Выбор самого себя. Даже если в нем больше ничего не осталось...

Глава 8. Прогулки по воде

– Что будет, если остановить эту бессмысленную игру, в которой мы рискуем потерять так много? – как-то поинтересовалась Лина, устало укрывшись одеялом холодным осенним вечером.

– Не хочу знать, – резко ответила Лиля. – И тебе не советую.

– Почему же? – равнодушно ответила Лина. – Не вижу смысла продолжать играть. Я простая пешка. Вспомогательная фигура, за счет смерти которой возможна победа в игре.

– В нашей игре не существует вспомогательных фигур. Жизнь каждой из нас бесценна! – Лилия была крайне возмущена.

– Я хочу смотреть на вещи реально. Наверное, любую «пешку», как и меня, когда-то тешили бессмысленные надежды.

– О чем ты говоришь? – не могла понять я.

– Всем хочется быть особенными. Все думают: «Мне это удастся, потому что я не такой, как все. В моей жизни этого не произойдет, потому что это я, а не кто-то другой». Люди питают бессмысленные надежды на собственную силу, которой нет. Они считают, что смогут найти себя в чем-то, – и не находят. Они зачем-то ждут случая, чтобы показать себя. А случай не приходит. Забавно, правда?

Я почувствовала в голосе Лины глубокое разочарование в самой себе. Я знала, что она обесилена и шокирована случившимся. Эти чувства мне были абсолютно знакомы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.